



Сабрина Хэгг

ЛЮБИМЫХ УБИВАЮТ ВСЕ

18+

Сабрина Хэгг

Любимых убивают все

Серия «Хиты Wattpad»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/63056640>

Любимых убивают все : роман / Сабрина Хэгг: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-122153-9

Аннотация

<p>Йенни мечтает стать режиссером. Каждый момент своей жизни она может запечатлеть в памяти словно кадр из кино. Но сейчас главный герой ее «фильма» – одноклассник по имени Аксель, на которого повесили ярлык беззаботного красавчика. Однако за надтреснутой маской жизнерадостного парня скрывается глубокая печаль.</p> <p>Если бы жизнь можно было охарактеризовать жанром кино, Аксель окрестил бы свою трагедией. Когда всё вокруг – семья, мечты – рушится, единственная надежда на спасение – любовь. Сильная, искренняя, самозабвенная. Едва коснувшись Йенни, любовь Акселя окрыляет ее, но позже она эти крылья и обламывает. Порой для счастья любви недостаточно.</p>

Содержание

Prolog	4
Kapitel 1	5
Kapitel 2	15
Kapitel 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Сабрина Хэгг

Любимых убивают все

Prolog

– Я помню ту мидсоммарскую ночь. Он соединял родинки на моей спине в созвездия. Одно – созвездие Персея, два других – мои собственные. Я помню его руки – бронзовые, как будто впитавшие в себя тепло ушедшего лета. Я не видела больше таких рук. Я помню его первый депрессивный эпизод. Помню, как крепко прижимала его к себе; помню, как мне казалось, что я защищу его от любых невзгод, отгложу ото всех бед. Помню его слезы. Помню, как впервые осознала, что любви никогда не бывает достаточно.

Я помню Рим. Я помню *его* в Риме. Я никогда не видела человека счастливее, чем он... В Риме. Я помню его кровь и свои руки. Его отчаяние и свое бессилие. Я помню его стыд.

– Ты помнишь так много!

– Нет, я ничего не помню. Совсем ничего.

Из к/ф «Мой мальчик-хамелеон»¹

¹ На самом деле такого фильма нет. Он существует только в мире этой истории и снят Йенни после всех событий, разворачивавшихся на страницах книги. Фильм автобиографичен. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

Капител 1

Серебристое небо, коробившееся от свинцовых туч, словно плотно закрытая крышка, круглилось над городом. Каждый раз, когда гром рокотал вдали, оно вздрагивало, трескалось едва заметно от страшного, протяжного грохота. И дождь широкой косой стеной обрушивался на покатые крыши домов, с монотонным шумом ударялся о выложенные брусчаткой дороги.

В тот субботний вечер даже жители Истада², привыкшие к капризам шведской весенней погоды, остались в своих сухих гостиных смотреть телевизор или неспешно пить кофе, весело беседуя с друзьями. Однако не во всех домах звучали смех и разговоры. Почти в самом центре города, за дружелюбным цветным фасадом, разрывались бомбы упреков и оскорблений. За старинными дверьми угасали чьи-то несбывшиеся мечты, разматывались клубки чьих-то сожалений.

Йенни шла прочь из дому по опустелому бульвару. Она еще не знала, куда идет и зачем. Ей было известно лишь то, что идти нужно как можно дальше от папиных криков, от маминых угроз.

Шаги ее, сначала быстрые, решительные, только две улицы спустя замедлились, стихли. Влажными от слез глаза-

² Истад – город в Швеции. –Примеч. ред.

ми Йенни разглядывала плывущие в темноте фонари, позолоченные светом ветви деревьев, прислушивалась к шелесту дождя. Ей стало вдруг спокойно, легко. Даже мелкая дрожь, пробежавшая по спине от холода, не могла омрачить ее странного, непривычного спокойствия. Дождь будто бы смыл с нее чувство вины за родительские ссоры, смыл яд их глубокого несчастья.

На пересечении Tegnérgatan и Lembkegatan Йенни заметила мужскую фигуру – высокую и худощавую, кажущуюся невыносимо одинокой в сером потоке улицы. Йенни признала в юноше Акселя, своего одноклассника. Он несся в ее сторону, и под его ногами разбрызгивались лужи.

Аксель не обращал внимания ни на холодные капли дождя, хлеставшие его по коже, ни на сильные порывы ветра, срывающие с головы капюшон. Красивое, но бледное лицо его напоминало гипсовую маску. И в глазах-льдинках отражалась пустота – отчаянная, зимоподобная. Йенни настоужилась, уже открыла рот, чтобы поздороваться, спросить, что случилось, но Аксель прошел мимо, едва не задев ее плечом.

Она стояла на месте, глядела вслед удаляющемуся Акселю. Спустя четверть минуты он завернул за угол и растворился в синеве сгустившихся сумерек.

Дождь зашумел с новой силой, ветер стал пронзительнее, свирепее. Йенни вздрогнула и зарылась пальцами в черные выющиеся от влаги волосы. Нахмурилась. Волнение вспых-

нуло в ней ярко – точно пламя восковой свечи.

«В той стороне кладбище, – подумала Йенни, и губы ее – мокрые и холодные – сжались в линию. – Но и парк ведь тоже...»

Только Йенни знала, чувствовала, что не в парк несли его ртутные ручьи холодных безлюдных улиц.

Сначала она решила: стоит догнать Аксея, узнать, что случилось и не нужна ли ему помощь. Йенни даже развернулась и двинулась вслед за ним. Но прежде, чем она дошла до угла, за которым он исчез, ее посетила опустошающая, но правдивая мысль: «Я, наверное, последняя, с кем он решил бы поделиться проблемами». Йенни замерла, ее плечи поникли, руки, прежде сцепленные в замок, безвольно повисли. Она ему никто, и не было у нее никакого права вторгаться в его жизнь. Осознание этого тем не менее не заглушило тревоги за Аксея.

Постояв недолго посреди улицы, под одиноким мигающим фонарем, Йенни развернулась и устало зашагала домой. Ее пальцы сжимали рукава насквозь промокшей куртки, зубы громко стучали.

* * *

...Йенни сидела в душном кабинете истории, но вместо того, чтобы слушать рассказ об условиях Столбовского ми-

ра³, она думала о происшествии почти двухнедельной давности. Когда через три дня после их с Акселем столкновения Йенни наконец отважилась спросить, все ли у него хорошо, Аксель лишь улыбнулся и сказал удивленно: «Да, конечно! Все супер. Просто я немного замотался на работе, поэтому выгляжу таким замотавшимся».

Она не верила его приветливой, но уставшей полуулыбке. С этой самой полуулыбкой Аксель появился в школе на следующий день после смерти отца. С этой полуулыбкой принимал соболезнования и после второй трагедии, обрушившейся на его семью. Йенни боялась этой полуулыбки – она ее ранила. Ведь семнадцатилетние мальчишки не должны так улыбаться.

Сейчас Йенни смотрела на Акселя, который откинулся на спинку стула и, глядя сосредоточенно на преподавателя, кратко записывал за ним в толстую тетрадь. Забравшись на стол, учитель энергично болтал ногами и с воодушевлением рассказывал об исторических предпосылках очередной войны с Россией. Йенни сидела в соседнем ряду, задумчиво рассматривая профиль Акселя: аккуратный, слегка вздернутый нос, четко очерченные губы, острые скулы. А затем ее взгляд остановился на перепачканных графитом пальцах, крепко сжимающих тетрадь. Ей показалось, это очень красиво. Она бы непременно вставила похожий кадр в один из

³ Столбовский мир – мирный договор, который положил конец русско-шведской войне 1610–1617 гг. –Примеч. ред.

своих фильмов.

Почувствовав на себе взгляд, Аксель приподнял голову и осмотрелся.

Йенни тут же уткнулась в учебник, и страницы суетливо зашуршали под ее пальцами. Мысли вновь унесли ее в тот холодный вечер – к пустым глазам-льдинкам, лужам на асфальте и одинокой до стеклянного звона в груди фигуре.

Луи, лучший друг Йенни, в шутку говорил, что она влюбилась в Аксея, и лишь поэтому его чувства и проблемы так ее волновали. Но на самом деле Йенни просто не могла пройти мимо человеческого страдания – она понимала, что надо бы отвернуться, как отворачиваются прохожие от тела сбитого на перекрестке ребенка, спрятать скорее глаза, но она так не умела. Ее всегда сокрушала мысль о нестерпимой, точно свежий ожог, боли, которую ощущает человек, в момент отчаяния осознавший свою покинутость.

Она слишком хорошо помнила это чувство – горькое, страшное, беспросветное. И потому непоколебимо верила в то, что его можно облегчить молчаливым участием и заботой хотя бы одного человека.

Общение же с Акселем со средней школы сводилось исключительно к выполнению совместных проектов по биологии, экономике и шведскому языку. Еще как-то раз, в начале второго курса, Йенни снимала короткометражку о буллинге на конкурс, и Аксель согласился сыграть одну из главных ролей. Впрочем, тогда в проекте участвовал почти что весь

гимназиум – на съемках было весело, интересно, и это не требовало никаких усилий от «актеров».

Теперь Йенни подперла подбородок рукой и устремила взгляд в окно: на чистую лазурь, льющуюся на приземистые крыши домов, на синеющий вдали кусочек моря, на покачивающиеся изумрудные верхушки сосен... Неожиданно даже для самой себя Йенни вдохновилась на съемки новой короткометражки, замысел которой давно уже не давал ей покоя. Она принялась лихорадочно записывать в тетрадь по истории идею, отрывки диалогов между еще даже не существующими героями. За свои восемнадцать лет Йенни преуспела в том, чтобы виртуозно игнорировать реальный мир, спрятавшись от него за непробиваемыми стенами своей фантазии.

Но обратно на землю ее вернул скрипучий голос учителя, растягивающий слова на стокгольмский манер:

– Итак, Йенни, подведи, пожалуйста, итоги *ингерманландской войны* 1610–1617 годов.

Густав скрестил руки на груди и выжидательно уставился подслеповатыми серыми глазками на одну из своих самых прилежных учениц.

Йенни с неохотой поднялась с места. Она сглотнула, прикусив губу. Взгляды одноклассников были прикованы к ней – ребята глядели на Йенни с недоумением и любопытством: не могла ведь отличница прослушать все, о чем рассказывали на уроке! Внимая настойчивому голосу паники, она окончательно растерялась и склонила голову. Пунцовый румянец

расползся по лицу.

– В результате заключения Столбовского мира Швеция получила выход к Балтийскому морю, – донесся до Йенни чей-то мягкий, осторожный шепот.

Она повернула голову и обнаружила, что ее спасителем оказался Аксель. Он, обернувшись, смотрел на Йенни и подбадривающе улыбался.

– Ну же, Йенни. Я говорил об этом две минуты назад!

– В результате заключения Столбовского мира Шведское королевство получило выход к Балтийскому морю, – тихо проговорила она, с благодарностью глядя на Акселя. Тот удовлетворенно кивнул в ответ.

– Хорошо. А при каком короле это произошло?

– Густав II Адольф и Карл... – только и успел прошептать Аксель. В этот раз преподаватель расслышал его слова.

– Аксель, если бы я хотел, чтобы ты ответил, то непременно спросил бы тебя. А так как я этого не сделал, то будь добр, молчи и не мешай отвечать другим. Йенни, садись! – недовольно пробулькал учитель и нетерпеливым жестом приказал Йенни сесть на место. Напоследок он смерил ученицу строгим взглядом, давая понять, что недоволен ею. – Прислушать такой материал! – воскликнул он, театрально вскинув руки к небу. – Это же надо умудриться!

В отличие от остальных учителей, Густав не только не терпел наплевательского отношения к своему предмету, но и воспринимал отсутствие у учеников интереса к истории едва

ли не как личное оскорбление.

Йенни шумно упала на стул и вздохнула то ли от облегчения, то ли от жгучего стыда. Но испорченное настроение преподавателя волновало ее в последнюю очередь. Сейчас Йенни было совестно за то, что Акселю из-за нее влетело. Она виновато смотрела однокласснику в спину несколько минут, но он так и не обернулся к ней.

Поэтому, как только преподаватель объявил о конце урока, Йенни первым делом подошла к Акселю, который молча укладывал учебные принадлежности в рюкзак.

– Спасибо за то, что выручил, – переминаясь с ноги на ногу, произнесла она достаточно громко, чтобы Аксель услышал ее. Щеки Йенни пылали ярким январским заревом. – И прости за то, что тебя ругали из-за меня. Мне реально стыдно за это.

Аксель оторвался от своего занятия и перевел невозмутимый взгляд зелено-голубых глаз на Йенни.

– Ничего страшного. Забей, – ответил он, пожимая плечами.

Несмотря на довольно дружественные взаимоотношения, Аксель и Йенни все еще испытывали некоторую скованность при случайных встречах и разговорах. Они по-прежнему ничего практически друг о друге не знали – все равно что незнакомцы. Но Аксель умел скрывать легкую растерянность при виде Йенни и всегда вел себя естественно и раскрепощенно. Йенни же с трудом удавалось даже такое мало-

значительное притворство.

– Мне ужасно неудобно. И я понятия не имею, как себя в таких случаях вести. Обычно это я помогаю. По крайней мере, стараюсь.

– Помогаешь и при этом не палишься, – заметил Аксель.

– Не то что я.

– Эх, годы практики, годы практики, – назидательно проговорила Йенни. Лицо ее снова осветила застенчивая улыбка. – Но все равно спасибо.

– Да ладно тебе. Я был в долгу за то, что ты спасла мне жизнь на прошлой неделе. Нет, серьезно, я бы никогда не понял, в чем смысл этой идиотской новеллы. И уж тем более не написал бы сочинение. Фактически, мы, конечно, написали его вместе... Еще и в половине двенадцатого ночи.

– Ой, забей, – сказала Йенни, склонив голову набок. – Я всегда рада помочь. Тем более идиотские новеллы, дебильные рассказы, странные стихи – это все по моей части.

– Знаешь, Йенни, ты забавная, – неожиданно заявил Аксель и по-доброму усмехнулся, закидывая рюкзак на спину.

В ответ на эту реплику Йенни округлила глаза, вскинула удивленно брови.

– Я? Что ж, тараканы в моей голове польщены. – Она сделала книксен, утрируя движения для пущей выразительности, и захихикала, хватаясь за подол воображаемого платья.

Аксель не мог сохранить серьезное выражение лица, видя, как забавно Йенни изображает поклон с приседанием. На до-

лю мгновения стена неловкости и смущения, существовавшая между ними, растаяла, точно сахарная пудра на кончиках пальцев.

– Ой, тебе, наверное, пора идти, – спохватилась Йенни. Она улыбнулась и кивнула в сторону приоткрытой двери, откуда торчала макушка Оскара.

Аксель как будто бы слегка разочарованно посмотрел на друга, а затем повернулся к Йенни.

– Ладно, пока. Точнее, до завтра, – проговорил он быстрее, чем ему хотелось.

– Ага. Пока.

Йенни поджала губы и помахала однокласснику на прощанье. Аксель улыбнулся и, не произнеся больше ни слова, торопливо вышел в холл, где толпилось несколько десятков гимназистов.

Йенни небрежно смахнула свои вещи с парты в рюкзак цвета хаки и поплелась к двери. В коридоре ее уже ждал Луи.

Капител 2

Луи стоял, оперевшись спиной о белоснежную стену, и качал головой в такт музыке, игравшей в левом наушнике. Он был высоким и худощавым, по-мальчишески угловатым и неловким. Лицо его имело привлекательные, но нетипичные для шведов черты, которые он унаследовал от отца-француза. На персиковой коже, точно россыпь звезд, темнели крохотные родинки. Глаза Луи напоминали два крупных голубых агата – полупрозрачные, блестящие. Его медового цвета локоны всегда были зачесаны назад, но челка упрямо выбивалась из прически, сколько бы Луи ни пытался ее уложить.

Завидев друга, Йенни направилась в его сторону, лавируя между спешащими домой учениками. Луи цепким взглядом выловил ее белую футболку Guns'n'Roses в беспорядочно передвигающейся толпе задолго до того, как Йенни приблизилась к нему.

– Какие люди! – сказал он, когда подруга остановилась напротив. Луи раскинул руки в стороны в приветственном жесте.

– И тебе привет, – отозвалась Йенни. Она улыбнулась, схватила Луи под локоть и потащила его прочь из школы.

– Идем сегодня ко мне, да? – спросил Луи, когда здание гимназиума осталось алеть позади.

– Ну да, вроде. А что? Если у тебя нет других планов, ко-

нечно. – На последних словах она понизила голос, повела комедийно бровями.

Луи рассмеялся и пару раз покачал головой. Стоило ему немного улыбнуться, как на щеках у него прорисовывались ямочки. Йенни находила это особенно умилительным.

– Когда у меня в последний раз были какие-то планы?! И вообще, мы не решили, чем займемся. – Он с задумчивым видом приложил указательный палец к подбородку. – Можем досмотреть «Твин Пикс», устроить киномарафон, глянуть что-нибудь из «Золотой коллекции» или тупо рубиться в приставку до потери пульса. Я вчера наконец купил Flatout 4. Решил без тебя даже не прикасаться к ней.

– Как это мило с твоей стороны! – съехидничала Йенни. – Можем сделать хоть все сразу. У меня весь вечер свободен.

– У тебя, может, и свободен весь вечер, а мне огромное сочинение задали.

– Пф-ф, Луи, ты так говоришь, будто помнишь, когда в последний раз писал сочинения сам. Мы же оба знаем, что писать его придется мне. – Она картинно закатила глаза со скорбным видом.

– Ой, да брось, иногда мне приходится писать сочинения в школе, прямо на уроке. Там же ты мне не помогаешь!

– Да что ты такое говоришь! Напомнить, как на прошлой неделе ты писал сочинение на уроке? Кто ушел на математике в туалет и почти весь урок там проторчал, чтобы напечатать тебе сочинение и скинуть на почту?

– Ну... ты. Но это не значит, что *я всегда* злоупотребляю твоей помощью.

– Конечно, не значит!

– Ой, да ну тебя. Ты просто невыносима.

Луи махнул рукой, но не смог сдержать улыбки, обнажив белоснежный ряд зубов с немного выпирающими клыками.

Йенни вновь взяла друга под локоть, прижалась теплой щекой к его твердому плечу. Легкий апрельский ветер ласково обдувал лица друзей, безобидные лучи весеннего солнца, едва пробивающиеся сквозь светло-серую пелену неба, упорно тянулись к влажной после утреннего дождя земле. Остаток пути ребята шли в молчании.

Дом Луи находился в нескольких кварталах от школы, точно лесной великан, покрытый густой изумрудной лозой, он стоял на краю улицы. В такое время дома никого не было. Родители Луи еще не вернулись с работы, а Ингрид, его младшая сестра, пропадала в центре города со своими подругами.

Зато каждый день с обожанием, на какое способны только собаки, друзей встречала Марта, старый золотистый ретривер, подаренный Луи на тринадцатилетие. Она всегда послушно ждала хозяев у самой двери, со скучающим видом грызла расходящуюся по швам кроссовку Луи. Но стоило кому-то из семьи переступить порог, как Марта стремительно вскакивала с места и запрыгивала на него или нее, энергично виляя пушистым хвостом.

Вот и сегодня не успели друзья войти в прихожую, как собака кинулась к ногам Луи, упираясь мордой ему в колено.

– Привет, красавица! – Он присел на корточки, чтобы Марта смогла лизнуть его в лицо.

Йенни стояла рядом, улыбалась растроганно, глядя на эту привычную, но умилительную сцену. Правда, спустя несколько мгновений Марта дала понять, что Луи ей надоел, и, обойдя его стороной, стала требовать внимания от гостыи. Йенни опустила на колени, потрепала собаку по шее и по голове, не забыв поцеловать в холодный и влажный нос.

– По-моему, она любит тебя больше, чем меня, – с наигранно-ревнивым видом произнес Луи и принялся торопливо стягивать с ног потертые черные кеды.

– Не носи бред. Больше тебя она любит только твою маму. Да, Марта? – Йенни еще раз чмокнула собаку, а затем подняла голову и с улыбкой посмотрела на друга, который стоял теперь в ярко-желтых носках «Убить Билла», облокотившись о дверной косяк.

– Ну с этим не поспоришь, – согласился Луи. – Ты проголодалась? Папа вчера приготовил свою фирменную лазанью. Почти такая же, как мы ели в Италии. Будешь?

– Еще спрашиваешь? – усмехнулась Йенни, поднимаясь с колен. – Я умираю, как хочу есть.

– Хорошо. Тогда можешь идти наверх, а я принесу туда лазанью, Mountain Dew и что-нибудь вредное, чтобы есть, пока будем смотреть кино. Пойдет?

– Да, отлично. Я сейчас разуюсь и помогу тебе.

* * *

Спустя полчаса друзья уже сидели в комнате Луи, располагавшейся на втором этаже. Они уплетали вегетарианскую лазанью, болтали о повседневных хлопотах вроде домашнего задания и стремительно приближающихся контрольных.

Комната Луи напоминала фотогалерею. Повсюду были развешаны совместные снимки Луи и Йенни, привезенные из многочисленных поездок, дорогие сердцу семейные фото, навевающие ностальгию по детству; также нашлось место для постеров с любимыми музыкальными группами и для винтажных киноафиш. Светло-серые стены были едва различимы сквозь зазоры между краями полароидных снимков и плакатов.

Покончив с лазаньей, Йенни отложила тарелку на прикроватную тумбу и снова плюхнулась на помятую постель, согнув ноги в коленях. Луи последовал ее примеру. Еще несколько минут друзья лежали без дела, разглядывая фотографии.

Йенни приковала задумчивый взор к снимку, который ребята сделали во Флоренции в прошлом году. На нем был запечатлен тот день, когда они поднялись на купол собора Санта-Мария-дель-Фьоре, откуда открывался вид на город с высоты птичьего полета: карминовые и оранжевые крыши

домов, купола готических соборов, песчаные стены зданий. И все это великолепие резко контрастировало с ослепительно-лазурным небом, что было очерчено сочной зеленью холмов и темно-синими силуэтами гор. В том маленьком квадрате фотографии жила, развертывалась яркая, нестареющая флорентийская душа.

В правом углу снимка стояли Луи и Йенни. Они широко улыбались, и в блестящих глазах их бурлило столько радости, что невозможно было оторвать взгляда от лиц друзей. Казалось, эти двое знали нечто такое, что неизвестно никому больше во всем мире, – и это загадочное знание делало их столь счастливыми.

– О чем думаешь? – раздался голос друга, вырвавший Йенни из нескончаемой вереницы воспоминаний.

Луи не сводил с нее глаз. Она казалась ему необыкновенной в те моменты, когда бурный поток мыслей уносил ее прочь из реальности. На лице Йенни застывало выражение одухотворенности, полнейшей отрешенности от всего земного.

– Думаю о том, как сильно хочу вернуться во Флоренцию... и еще о том, чем же я все это заслужила, – не поворачивая головы в сторону Луи, проговорила Йенни. – Чем я лучше, например, Нудар? У нее не было таких возможностей в, ну не знаю, шестнадцать. Она никогда не была во Флоренции. Зато в шестнадцать видела и смерть, и голод, и всевозможные зверства. И до сих пор живет в страхе и надеет-

ся, что сможет забрать сюда свою младшую сестренку. Если сестра, конечно, жива. – Глаза Йенни поблекли, словно выгоревшая на солнце ткань. Ее ладони, прежде неподвижно лежавшие на животе, сжались в кулаки. – Нудар не произносит этого вслух. Но я просто знаю, что в конце разговоров о ее сестре всегда остается... это самое чудовищное в мире «если».

– погоди, ты про Нудар из книжного?

– Да, мы с ней столкнулись в городе вчера, – кивнула Йенни. – Я чувствую какую-то... странную вину за то, как сильно отличается моя жизнь от жизни миллионов других детей и подростков. Как будто я незаслуженно занимаю место кого-то, кто достоин всего этого больше меня.

– Йенни, мы уже говорили об этом, – вздохнул Луи. – Ни ты, ни я не виноваты в том, что родились в благополучной стране. И тем более не виноваты в том, что разное дерьмо происходит в других странах. От того, что ты чувствуешь себя виноватой, ничего не поменяется. Невозможно спасти всех.

– Я это понимаю, – согласилась Йенни. Она оторвала взор от стены с фотографиями, перевернулась на живот и подперла голову руками. Теперь она смотрела на Луи сверху вниз. – Но периодически эти мысли возвращаются. Как будто мне снова одиннадцать, и я впервые узнаю о том, что не все живут так, как я. Только чем старше я становлюсь, тем громче мой внутренний голос кричит мне, что я гребаная лицемер-

ка, которая *ничего* не делает.

– Знаешь, вот что ты реально *можешь* сделать, так это достигнуть своих целей, с умом воспользовавшись всеми возможностями, которые тебе даны. И потом... ну знаешь, влияние, популярность, деньги и творчество – мощные инструменты, которые могут помочь сделать мир хоть немного лучше. – После короткого молчания Луи добавил с улыбкой: – Я же знаю, какая ты талантливая и целеустремленная. У тебя точно получится.

– Хотелось бы верить... я стараюсь... Эм-м... Просто иногда это кажется таким призрачным и далеким по сравнению с тем, что творится здесь и сейчас. Особенно после теракта⁴... Я постоянно думаю о том, что все эти ужасные вещи для кого-то – часть повседневной жизни, а не трагедия государственного масштаба. Это страшно, понимаешь? Миллионы невинных людей. И все оставлены где-то на задворках цивилизации... Совсем никому ненужные. Покинутые.

Луи хмыкнул, уселся по-турецки, привалившись спиной к стене. Он вспомнил, как Йенни позвонила ему в день теракта, – ее голос дрожал, непривычно звонкий и напуганный. У нее не было никого в Стокгольме, ей не из-за кого было *так* переживать. Но она просидела в его комнате до глубокой ночи, и ледяные руки ее тряслись, щеки блестели от слез.

⁴ Говорится о теракте в Стокгольме, что произошел 7 апреля 2017 года. В результате погибли пятеро и получили ранение еще 14 человек. Так как действие книги разворачивается в конце апреля 2017 года, эта трагедия все еще довольно остро переживается героями.

Она говорила, что до сих пор слышит крики с записи – в ее голове они гремели, точно перезвон церковных колоколов. Луи глядел на Йенни с сожалением. Он уже знал, что мир благоволит лишь тем, кто ничего не слышит.

– Да, это ужасно. Но не в наших силах помочь всем. Это...

– Утопия, – закончила за него Йенни. – Я знаю. Но мне хочется хотя бы говорить об этом с тобой, раз пока сделать я ничего не могу. Даже если ты не видишь тут смысла. Когда-нибудь, конечно, я обязательно преобразую эти мысли во что-то полезное. Как минимум, после школы я хочу подать заявку, чтобы отправиться куда-то волонтером от «ООН-молодежь». Посмотрим, ответят ли мне. А пока тебе, видимо, придется мужественно выносить мое бесполезное нытье.

– Ты же выносишь мое еще более бесполезное нытье о французской политике, – ответил Луи, и лицо его украсила широкая и теплая улыбка.

Тишина сгребла комнату в неуклюжие объятия. Она не казалась неловкой или напряженной. Друзья смотрели друг на друга с пониманием, и оба осознавали теперь, что тема окончательно закрыта.

– Господи, я чуть не забыл! Ты готова услышать офигительную новость? – Луи выдержал паузу и вопросительно приподнял одну бровь.

У Йенни из груди вырвался короткий смешок:

– Конечно. Что это за новость такая?

Луи выставил перед собой указательный палец, как бы

прося подождать. Он наспех выудил из кармана телефон, стал искать там что-то с увлеченным видом. Тем временем Йенни подседа к нему поближе, ее мягкие белые руки обвились вокруг коленок.

– Вот! – воскликнул Луи. – Но прежде, чем я тебе все расскажу, ответь мне – ты помнишь Ребекку Хельстрем?

Йенни задумалась, перебирая в голове всех знакомых. Она покачала головой.

– В средней школе Ребекка училась в нашем потоке, а после девятого класса переехала и перешла в другой гимназийум. Мы еще вместе на гандбол ходили.

– Ах да, точно! Я ее помню! – оживленно закивала Йенни. – А при чем здесь Ребекка?

– Короче, где-то в начале марта мы начали с ней переписываться. Как-то прям суперспонтанно все произошло. Она попросила в сторис в «Инсте» скинуть ей крутой музыки, я скинул несколько песен, а потом мы до утра говорили о любимых группах и концертах, на которые хотим сходить. Ну и с тех пор каждый день почти переписываемся.

– То есть вот в чем причина твоего слишком хорошего настроения в последние недели? – в шутку поинтересовалась Йенни. – А почему ты ничего мне не рассказывал?

– Не знаю... – Луи выпятил нижнюю губу и задумчиво пожал плечами. – А что? Ревнуешь?

– Ага, размечтался. – Йенни улыбнулась, по-дружески стукнув Луи по плечу. Веснушки бледно-желтыми каплями

выделялись на ее раскрасневшихся, как будто присыпанных розовой пудрой, щеках.

– Вообще, я сначала не думал, что она реально заинтересована во мне и не особо верил, что мы с ней встретимся вживую. Но буквально вчера она написала, что возвращается в Истад в пятницу ночью! Представляешь? И еще сказала, что ей очень нравится общаться со мной, что она хотела бы со мной увидеться... Короче, в субботу мы идем на фику⁵! – Он говорил восторженно и торопливо, глядя как будто бы сквозь подругу. – Прикинь, я и Ребекка?

Йенни широко распахнула глаза, холодными пальцами вцепилась в плечи Луи:

– Черт, поздравляю! Я... Я просто в шоке. Но я очень рада. Она, кажется, нравилась тебе классе в седьмом, да? И как ты вообще мог скрывать от меня то, что переписываешься с девчонкой своей мечты, мелкий ты засранец? Тоже мне, друг называется!

– Да я даже не думал, что у нас может что-то выйти. Ребекка такая классная... Слишком классная. Она веселая, очень, ну просто до неприличия красивая и довольно неглупая. А еще она любит абсолютно всю ту же музыку, что люблю я, играет в те же игры, в которые играю я, и даже книги нам нравятся одинаковые! – Луи прикрыл глаза и закинул голову

⁵ Фика (*швед.* fika) – так называют кофе-брейк в Швеции. Обычно во время фики люди пьют кофе с булочками или с другой выпечкой, общаются и знакомятся поближе.

назад, безмятежно улыбаясь. – Боже, а ее шуточки – это что-то с чем-то. Если хочешь, я могу даже показать тебе кое-что из нашей переписки.

– Не думаю, что ей бы это понравилось, – безапелляционно отчеканила Йенни, скользнув ладонями вниз по рукам друга. Затем чуть более снисходительно добавила: – Это должно оставаться только между вами двумя. Я бы жутко расстроилась, если бы мою переписку с кем-то читали чужие люди. Давай лучше досмотрим сезон «Твин Пикс»?

И она тут же подорвалась с места, чтобы перенести ноутбук Луи с рабочего стола на постель.

– Эм-м, ладно, – хмыкнул он и убрал телефон в карман толстовки. – Я как-то не подумал об этом.

– Всему тебя нужно учить, – усмехнулась Йенни, водя курсором по экрану. Непослушные темные пряди выбивались из-за уха, щекотали щеку.

Но сосредоточиться на сериале Йенни так и не смогла. Она постоянно возвращалась к мыслям о Ребекке, о ее скором приезде. Незаметно косилась на то и дело улыбающегося Луи, который отвлекался от сериала, отвечая на сообщения – вероятно, от Бекки. В уголках губ Йенни появилась нежная добродушная улыбка, и неведомое ей прежде тепло медленно растеклось внутри. Она задумалась о том, что никогда еще не видела тех трепещущих ослепительно-ярких огоньков, какие дрожали теперь в глазах Луи.

Остаток вечера ребята играли в видеоигры, развалившись на кожаном диване в гостиной, который по форме напоминал букву L.

Пикантности вечеру придавал ни на секунду не замолкающий провокатор в лице Луи. Йенни чувствовала, как в ней вскипает кровь, когда они, отыгрывая очередной матч в FIFA, заводили буйный спор об истории, литературе или кино. В этот раз Луи умудрился посягнуть на святое – режиссуру Луиса Бунюэля. Пару резких, неосторожных фраз в сторону «Виридианы», и мысль о том, чтобы сломать игровую консоль о голову друга, стала казаться Йенни не такой уж и дикой. Прийти к компромиссу они, конечно, не сумели – слово «уступать» напрочь отсутствовало в лексиконе обоих. Но внезапный звонок в дверь прервал ожесточенную словесную баталию между друзьями.

– Это, наверное, родители, – сказал Луи, поднимаясь с дивана. – Пойду открою. Но учти, мы не закончили.

Он предупреждающее погрозил Йенни указательным пальцем, а затем кинул в нее джойстик.

– Пересмотри сначала «Виридиану»⁶ внимательно, тогда и поговорим. Иди уже, твои родители сейчас сломают звонок.

⁶ «Виридиана» (*исп.* Viridiana) – кинодрама Луиса Бунюэля (1961), по роману Бенито Переса Гальдоса «Альма».

Луи обреченно покачал головой и зашагал в сторону двери.

– И нечего бросаться джойстиком! Ты уже две штуки сломал!

Сначала в прихожей раздался звонкий смех Сесилии – мамы Луи, а затем и голос Адриана — его отца.

– Йенни, милая, здравствуй! Как дела? – зашебетала Сесилия, когда все трое показались на пороге комнаты. Гостья вскочила на ноги и крепко обнялась с матерью Луи.

Йенни прикрыла глаза, с наслаждением вдыхая аромат, исходящий от Сесилии. Она пахла лавандовым мылом, корицей и пекарской ванилью.

– Все в порядке, спасибо. А ты как?

– Хорошо, милая, очень хорошо.

– Привет, Йенни, – проговорил Адриан бодро и заключил ее в объятия. – Давно не виделись.

– Вообще-то я оставалась на ужин в прошлое воскресенье. Не так уж и давно.

Бернар-старший пожал плечами и улыбнулся. Йенни не помнила, чтобы Адриан смотрел на нее без этой ласковой отеческой улыбки.

– Ты уже, считай, член семьи. Даже неделя без тебя кажется месяцем.

Йенни робко приподняла кончики губ. То, с каким добросердечием относились к ней родители Луи, всегда ее трогало.

– Вы хоть чем-нибудь перекусили нормальным, или латрица с газировкой – единственное, что вы ели после школы? – спросила Сисси, переведя строгий взгляд с Йенни и Луи на пустую упаковку от конфет и две ярко-красные жестяные банки из-под кока-колы. Ее красивые полные руки лежали на талии мужа.

– Кажется, мам, экстрасенсорные способности тебя сегодня подводят. Мы с Лилу разогрели лазанью на обед.

– Если так, то хорошо. – Сесилия довольно улыбнулась. – Сейчас быстренько приготовлю чего-нибудь нам на ужин. Йенни, ты остаешься. Это даже не обсуждается.

Йенни закивала:

– Я буду только рада!

– Я тебе помогу, – спохватился Адриан, когда Сесилия разорвала объятия и направилась в сторону кухни. Он подошел к жене со спины и вновь притянул к себе, прошептав что-то ей на ухо.

Йенни удивляло то, что их отношения до сих пор были полны чистой, искренней нежности. Казалось, эти двое каждый день влюбляются друг в друга снова и даже спустя столько лет остаются друг для друга главной загадкой мироздания, самым драгоценным подарком судьбы. Это чувствовалось в каждом слове, жесте, взгляде. Йенни страшно было подумать о том, что они могли друг друга просто не найти, не заметить. И если бы это случилось, думала она, напомнили бы их браки с другими брак ее собственных родителей?

Ужин прошел в уютной семейной обстановке. Сесилия и Адриан за каких-то сорок минут приготовили вегетарианские тако, острый пряный аромат которых распространился на весь первый этаж. Также они откупорили бутылку домашнего вина и разлили его в два фужера с золотой каймой. Ингрид, сестра Луи, тоже вскоре присоединилась к ужину.

Адриан с Сесилией делились забавными воспоминаниями из своего прошлого, из детства Луи и Ингрид. Они даже в сотый раз рассказали историю своего знакомства, и Йенни заметила, что в ней опять проскользнули новые детали, о которых она прежде никогда не слышала. Сесилия улыбалась, опустив голову на плечо мужа, и в ее блестящих глазах отражалось дрожащее пламя восковых свеч, украшающих обеденный стол. Расслабленная атмосфера тепла и уюта, царившая в тот вечер, очень напоминала Йенни летние посиделки на террасах флорентийских кафе, когда они с Луи часами потягивали молочные коктейли из трубочек, наблюдая, как алое солнце плещется в золотом закатном небе, как шумно и весело ужинают за соседними столиками итальянские семьи.

Покончив с тако, все пятеро отправились в гостиную. Сесилия нагнулась над винтажным патефоном, чтобы включить музыку. Воздух задрожал от тихого шипения, а за ним грянула череда магических аккордов *La vie en rose* и волнующее контральто Эдит Пиаф. Адриан пригласил жену на танец, и они с Сесилией плавно закружились по комнате.

Йенни, недвижно сидевшая в кресле, глядела на них, не

отводя глаз. Музыка наполняла душу истинно парижским очарованием, дарила необъяснимое чувство легкости и эйфории. Она пробирала едва ли не до слез. На мгновение в комнате как будто даже запахло влажными каштанами и мокрым от дождя асфальтом.

Йенни повернула голову влево, поймав на себе внимательный взгляд Луи. Его глаза отливали платиновым блеском в золотисто-коричневом полумраке комнаты. Луи смущенно потупил взор, и в уголках его губ задрожала улыбка...

Капител 3

Стоя в тускло освещенном школьном коридоре, Йенни копошилась в шкафчике, упорно пытаясь отыскать тетрадь по коммуникациям. Движения ее были вялыми, скупыми. Веки слипались. Сухими и красными от недосыпа глазами Йенни удрученно глядела в пестрое брюхо локера⁷. Она думала о том, что своим внешним видом, скорее всего, напоминает оживший труп из малобюджетного фильма про постапокалипсис. И виной тому был не кто иной, как сама Йенни. Прошлой ночью, оказавшись перед дилеммой – лечь спать хотя бы в час ночи или пересмотреть «Молчание»⁸, – она, почти ни секунды не сомневаясь, выбрала последнее.

– Хей, привет! – голос Луи раздался у Йенни за спиной, отчего она ожила в одночасье – выпрямила спину и более энергично стала разгребать груды мусора в локере.

Луи уже было раскрыл объятия, но Йенни все еще стояла к нему спиной. Поэтому он молча чмокнул ее в щеку, затем плечом привалился к соседнему шкафчику.

– Привет, Марвин⁹, – ответила Йенни, не оборачиваясь.

⁷ Локер – здесь: шкаф с отсеками для школьных принадлежностей. – *Примеч. ред.*

⁸ «Молчание» – фильм Ингмара Бергмана, вышедший в 1963 году.

⁹ Марвин, робот-параноик – вымышленный персонаж из цикла юмористических романов британского писателя Дугласа Адамса, известного под общим на-

Он все еще пыталась найти зеленую тетрадку в груди учебных принадлежностей и пустых упаковок от мармеладных мишек. – Сейчас, подожди секунду. Я уже целую вечность пытаюсь кое-что здесь отыскать.

– Неудивительно, учитывая хаос, который у тебя там творится. И вообще, никакой я тебе не Марвин!

Злополучная тетрадь нашлась, и Йенни, вздохнув с облегчением, захлопнула деревянную дверцу шкафчика.

– Я же не виновата в том, что ты так похож на Марвина временами. Даже твоя мама со мной согласна, – произнесла Йенни и повернулась к Луи. – Особенно когда пытаешься спорить про Бунюэля, как вчера.

– Что ж, хорошо. Тебе, конечно, виднее, *Лилу*, – сказал он, намеренно выделяя последнее слово голосом. – Ладно, иди уже сюда.

Но Луи сам сделал шаг в сторону Йенни, и друзья крепко обнялись. Ежедневные объятия перед первым уроком с шестого по девятый класс были для них почти что обязательным утренним обрядом. С поступлением в гимназию все поменялось, так как Луи с Йенни учились теперь на разных направлениях, и расписания их часто не совпадали. Но если появлялась возможность начать день с теплых объятий – они никогда не упускали ее.

– Ладно, я пойду уже на физику. Встретимся в кафетерии, окей? – быстро проговорил Луи и отстранился от Йенни. –

Ты успела скинуть мне на почту сочинение?

Йенни несколько раз утвердительно кивнула. Она широко зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Спасибо большое. Что бы я без тебя делал? Но высыпаться хотя бы раз в месяц тебе бы не помешало.

– Ну да, еще бы ты теперь говорил мне о том, что нужно высыпаться. – Йенни скрестила руки на груди, качая головой. – Иди уже, опоздаешь на физику!

Еще раз поблагодарив подругу за сочинение, Луи умчался на второй этаж, по пути нагоняя без умолку болтающих, смеющихся, обсуждающих свежие сплетни одноклассников. Йенни вздохнула, глядя ему вслед, и поплелась в класс. По пути она лишь единожды остановилась, чтобы обменяться парой слов с подозрительно бодрыми девочками-третьекурсницами – их загорелые симпатичные лица искрились озорными улыбками, а на гибких, стройных фигурах шуршали платья из фиолетовых мусорных пакетов. Йенни подумала о том, что они, должно быть, выполняют одно из заданий Poängjakten¹⁰.

Вскоре перед ней наконец выросла серая дверь класса. Йенни вошла в кабинет, где уже сидели одноклассники, и плюхнулась за третью парту второго ряда. Она устало опустила голову на деревянную поверхность стола, ее веки со-

¹⁰ Состязание, которое устраивается между выпускными классами в некоторых шведских гимназиях. В конце апреля публикуется список заданий, и тот класс, который выполнит все задания из списка, набрав больше всех очков, побеждает. За победу дают призы.

мкнулись ненадолго – на пару секунд – пока в класс не вошла Хильма Магнуссон, преподавательница по медиа и коммуникациям.

Первый час лекции она рассказывала о сегментации рынка, а во второй отвечала на вопросы и знакомила учеников с проектом, который они должны будут сдать в конце года.

– Итак, ребята, как вы уже поняли, этот проект – ваша возможность проявить креативность по максимуму! Я очень жду от вас грамотной рекламной кампании и профессиональных прототипов медиапродуктов для этой кампании, но ни в чем вас не ограничиваю: хотите видео – делайте видео, хотите постеры – делайте постеры. Но не забывайте, что в основе всего этого должен быть хороший доклад. Докажите мне, что вам необходим именно видеоролик или брошюра для того, чтобы достучаться до своего покупателя! И, конечно, презентация тоже должна быть на высоте. – Хильма приостановилась, сделала глоток кофе зажмурившись и продолжила: – Ах да, ребят, проекты должны выполняться парами или группами до трех-четырёх человек. Поэтому сейчас я попрошу вас разделиться. Только подойдите к выбору партнера серьезно. Вы уже взрослые люди, я в вас верю. Можете приступать!

Йенни осмотрелась в поисках своего неизменного партнера по проектным работам, но тот нашел ее раньше.

– Привет, коллега, – дружелюбно поздоровался Аксель и упал на соседний стул.

– Ну привет, коллега, – насмешливо произнесла Йенни. Она склонила голову набок, подвинула в сторону тетрадку.

Йенни знала, что следующие две недели Акселя можно будет назвать едва ли не важнейшим человеком в ее жизни, так как почти все свободное от школы время будет посвящено их совместному проекту. Теперь они станут здороваться в коридоре, беседовать на переменах и вообще вести себя как настоящие друзья или, по крайней мере, очень хорошие знакомые. Но как только готовый проект попадет на стол учителя, вся их дружба рассеется, словно табачный дым. Йенни не отрицала того, что это странно. Ей казалось, если люди начинают сближаться друг с другом, то окончание работы над проектом не должно влиять на их дальнейшее общение. Но у них с Акселем все выходило иначе. И она, на самом деле, не могла понять причину такого его поведения, но навязываться не хотела.

– Что думаешь, если мы поработаем над этим сегодня? Сразу после уроков можем пойти ко мне, – предложил Аксель. – Звучит нудно, но мне не хочется стрессовать из-за проекта за день до дедлайна.

Он сидел вполоборота и подпирал голову рукой.

– Нет, идея-то классная... Но сегодня после школы не получится. К нам в город приезжает один режиссер, и я записалась на лекцию. Так что извини.

Йенни поджала губы, опустив взгляд на свои руки, – как будто впервые видела цветные фенечки и браслетики на

запастях. Отказывать Акселю было неловко и почему-то немного стыдно. К тому же он впервые приглашал ее к себе домой. Раньше они всегда занимались либо у Йенни, либо в библиотеке.

– Ничего страшного, – ответил Аксель и добродушно улыбнулся. – Если лекция не слишком поздно и у тебя нет никаких планов после нее, то можешь прийти, когда она закончится. В чем проблема?

Аксель все время щурился, потому что назойливые солнечные лучи слепили ему глаза. Йенни, затаив дыхание, смотрела, как красиво свет ложится на кончики его длинных ресниц, как окрашивает их в цвет, напоминающий разведенную в воде золотистую охру.

– Так что? Ты согласна? – переспросил Аксель, так и не дождавшись ответа. В его голосе звенело беспокойство.

– А? Что ты сказал? – Йенни ступевалась и густо покраснела. – Извини, я просто задумалась...

– Да все в порядке. Я говорю, если после лекции у тебя нет никаких планов, то можешь прийти после нее.

– Да, давай. Только продиктуй адрес, – ответила Йенни и открыла заметки в телефоне на случай, если номер дома или название улицы вылетят у нее из головы.

– Лучше я тебя встречу, окей? – Йенни удивленно распахнула глаза, но Аксель тут же поспешил объясниться: – Просто я живу рядом с пляжем, а там очень легко потеряться. Оскар как-то раз два часа петлял по району, пока я его не

нашел.

Йенни улыбнулась и кивнула.

– Отлично тогда. Лекция будет проходить в музее кино. Неожиданно, правда? И закончится где-то в пять.

Не успела она договорить, как Хильма объявила об окончании урока. Ребята повскакивали из-за парт и кинулись к двери.

– Ладно, в пять буду ждать тебя у музея, хорошо? – поднимаясь с места, уточнил Аксель. – Задания тогда давай тоже распределим вечером?

– Да, отлично. Спасибо.

– За что спасибо? – спросил Аксель. Он нагнулся над партой, чтобы расслышать, что собиралась сказать ему Йенни. Его брови были сведены на переносице, удивленный взгляд – направлен прямо на собеседницу.

– За то, что тебе не пофиг, доберусь ли я до твоего дома, наверное, – смущенно ответила Йенни и пожала плечами.

Аксель разразился бархатным, солнечным смехом. Когда он смеялся, лицо его приобретало совсем детское, мальчишеское выражение.

– Да не за что. – Аксель подмигнул и снова улыбнулся, а затем вышел из класса.

* * *

Ровно без десяти минут пять Аксель подошел к невысо-

кому зданию из красного кирпича, что располагалось на развилке между тремя улицами. По обеим сторонам от главного входа в музей на ветру развевались темно-синие флаги с надписью Filmmuseum¹¹. А слева, вдоль фасада здания, прямо на земле, стройным рядом выстроились черные полутораметровые трафареты букв, составляющие слово Cineteket.

Музей кино был запечатлен в памяти Акселя яркими мазками незабываемых впечатлений. Он часто приходил сюда на экскурсии в младших классах. Одновременно острые и расплывчатые, болезненные и счастливые воспоминания – какими могут быть только воспоминания о детстве – навалились на него в одночасье. Тогда все казалось таким простым и понятным. Тогда не было проблем, мысли о которых не давали бы спать ночами. Тогда он не знал, каково это – жить, сжавшись в комок от ужаса и усталости, при этом на виду у людей сохраняя лучезарную улыбку. Тогда он не знал, каково это – стать чужим самому себе.

В пять часов из-за массивных деревянных дверей музея показалась Йенни. Она выглядела бодрее и счастливее, чем утром, улыбалась – то ли машущему ей Акселю, то ли своим мыслям. Завидев одноклассницу, он быстрым шагом направился ей навстречу.

Ребята обменялись приветствиями и устремились в сторону пляжа.

Вдруг Аксель сказал:

¹¹ Музей кино(швед.).

– Ты выглядишь такой счастливой. Видимо, тебе понравилась лекция?

– Да, было круто!

– А что за режиссер приезжал?

– Рой Андерссон, – быстро ответила Йенни и перевела взгляд с дороги на Акселя. Тот выглядел слегка озадаченным. – Ты вряд ли знаешь его. Он снял «Песни со второго этажа» и «Шведскую историю любви» – фильм детства моей мамы.

– Я даже о существовании таких фильмов не знал. Единственные древние фильмы, которые я смотрел, – это «Крестный отец» и какой-то фильм Линча с Джеком Нэнсем.

В ответ на его реплику Йенни снисходительно улыбнулась и пожала плечами, как бы уверяя: «Шведская история любви» – вовсе не тот фильм, который нужно обязательно увидеть.

Какой-то отрезок пути они прошли молча, даже не глядя почти друг на друга. Йенни наслаждалась легкой прохладой, что приносил с собой вечерний бриз, думала о словах, услышанных на лекции, и мысленно искала способ использовать полученные знания в недавно придуманной короткометражке.

Аксель шел по левую сторону от нее и мучительно искал тему для разговора, но мысли путались, ускользали. Причина была в том, что благодаря ветру, дувшему с моря, Аксель отчетливо слышал шлейф парфюма Йенни. Его порази-

ло чувственно-сладкое сочетание карамели, малины, пачули и роз. Аромат был слабым и ненавязчивым, но таким домашнему теплым – Акселью захотелось вдруг остановиться и уткнуться носом Йенни в шею, и эта странная мысль заставила его смутиться и отвести взгляд от задумчивого лица одноклассницы.

– Йенни, ты голодна? – спросил Аксель, радостный оттого, что нашел способ прервать затянувшееся молчание.

Йенни повернула голову в его сторону, заправила за уши выбивающиеся из прически пряди. Она смотрела как будто бы поверх плеча Акселя, не осмеливаясь встречаться с одноклассником взглядом.

– Нет... ни капли.

Аксель медленно покачал головой.

– Ты знаешь, что для человека, который два года ходил в театральный кружок, ты просто катастрофически плохо врешь?

– Я же не на сцене играла. Я писала сценарий и ставила пьесы с Альмой! – парировала Йенни.

– Ах вот оно что... Ну это меняет дело. Тогда у тебя есть полное право так неубедительно врать.

– Ой, да иди ты, Экланд! – воскликнула она, и чистый смех ее разнесся, разлетелся по улице, точно аромат цветущей вишни в мае.

– Нет, ну а если серьезно, то это одна из причин, почему меня так притягивает кино, – сказала Йенни негромко,

взгляд ее нерешительно скользнул по лицу Акселя. – Я вот даже не могу соврать, что я не голодна или притвориться, что мне плохо, чтобы не идти в школу. А кто-то может сыграть перед камерой миллионы самых разных эмоций! Прожить целую жизнь! Ты видел, как, к примеру, актеры, исполняющие главные роли в «Шепотах и криках», поразительно передали весь ужас, весь трагизм происходящего в фильме? Я просто прилипла к стулу, во все глаза уставившись в экран. Мне было физически больно его смотреть. Конечно, тут еще и драматургия, и какие-то кинематографические приемы играют огромную роль, и шикарная операторская работа... Но это же все равно волшебство какое-то! У тебя, кстати, очень здорово получается играть. Я еще тогда осенью, во время съемок, хотела сказать, что из тебя бы получился отличный актер.

Аксель с интересом вслушивался в ее негромкий волнующий голос, смотрел, как удивительно эмоции на лице Йенни сменяют друг друга. Он откровенно ею любовался. Любовался ее невероятной живостью, трогательной искренностью и детской непосредственностью. Но отчего-то он невольно подумал о том, что жизнь и у нее все это отнимет. Причем отнимет с той пугающей невозмутимостью, с какой опытные коллекционеры засушивают бабочек.

– Ты просто пытаешься быть вежливой, – отмахнулся Аксель, пожимая плечами.

– Что? Нет, ничего подобного! Ты что, правда не видишь,

что ты играешь почти как профессиональный актер? Крупный план твоего лица занимает процентов сорок хронометража. И при этом ни единой фальшивой эмоции я не увидела. Иначе я и не стала бы снимать такие крупные планы.

«Последний год у меня каждый день как представление в театре, но с одной и той же ролью. Может, в этом весь секрет моего “актерского профессионализма”?» – подумал Аксель, мрачно усмехнувшись про себя. Он не умел воспринимать происходящее с ним иначе – только через иронию и несмешные шутки, иначе пережить это было бы невозможно.

– Хорошо, врать ты, может, и не умеешь, но перескакивать с темы на тему у тебя получается просто блистательно. – Аксель убрал с лица челку и взглянул Йенни в глаза, которые та сразу же опустила. – Итак, почему же я спросил, не голодна ли ты? Недалеко от моего дома есть кондитерская. Если хочешь, можем купить что-нибудь там. Ужин я еще не готовил, а пока буду готовить, ты умрешь от голода.

– Я не настолько голодна, чтобы умереть, но мимо кондитерской, наверное, не пройду. Понимаешь ли... я безвольное существо, которое не может жить без сладкого.

– Тогда ты просто обязана согласиться. Как только ты попробуешь их миндальное печенье, то поймешь, что такое зависимость в чистом виде. Готов поспорить, ничего вкуснее ты не ела.

Кротко вздохнув, Йенни опустила свою маленькую ладонь Акселю на плечо. Ее губы дрогнули в мягкой усмешке:

– В таком случае за мои лишние килограммы ответственность будешь нести ты.

* * *

Аксель и Йенни шли по влажному песку, который звучно хрустел под ногами. Мелкие белые песчинки прилипали к выцветшей ткани кедров, забивались в ромбовидный рисунок на подошве. Йенни оглядывалась по сторонам, вслушивалась в симфонию разнообразных звуков, плотным облаком расстелившихся по пляжу. Она поспешила наглухо запахнуть куртку и приобнять себя за плечи. Здесь было прохладнее, чем в других частях города: промозглый ветер с моря пронизывал до костей, сдувал последние частицы тепла с предзакатного города.

Неспокойно было и само море. Волны сердито вздымались и с сокрушительной силой разбивались о берег, рассыпаясь в белоснежную пену. Йенни вздохнула полной грудью, улыбнулась.

– Как, наверное, круто жить в этой части города, – сказала она, глядя на тонкую складку горизонта, где заканчивался туго натянутый холст неба и уже волновались сине-черные воды. Солнце почти село.

– Да, не жалею. – Аксель сделал пару шагов в сторону дома, но, заметив, что Йенни нет рядом, остановился. – Ты идешь?

– Ага, секундочку.

Йенни быстро вытащила из рюкзака старенький фотоаппарат, с которым почти никогда не расставалась, и дважды нажала на кнопку затвора. Только после этого она двинулась с места, довольно глядя однокласснику в спину.

Ребята прошли еще немного. Они не отходили далеко от кромки воды, не приближались к разноцветным деревянным домикам, что тянулись вдоль берега. Спустя некоторое время Аксель все же свернул, и, когда ребята обошли сзади огромный отель, Йенни наконец увидела дом Акселя.

А жил он в миниатюрной одноэтажной вилле в типично скандинавском стиле. Снаружи она была облицована светлым деревом, металлическая крыша пылала яркими закатными красками. Также к дому прилегала небольшая веранда, где располагались два деревянных шезлонга и обеденный стол на шесть персон. Стол одинокий, покрытый дождевыми разводами. Стол, за которым никогда уже не соберется семья.

Обогнув веранду, ребята оказались у главного входа. Аксель отворил дверь и пропустил Йенни вперед. Сам вошел следом.

В прихожей Йенни проворно стянула с ног кеды, даже не развязывая шнурков, и встала посреди коридора. Она пробежалась взглядом по комнате, пока Аксель разувался и замыкал дверь.

Стены и потолок были выкрашены в пастельные цвета, но

созданное ими ощущение больничной стерильности разбавлялось немногочисленными стеклянными, медными и деревянными предметами, легкими тканями. Пространство казалось воздушным, уютным. Добавь счастливую семью, и получится фото из каталога «Икеи».

– Что ты будешь есть? – спросил Аксель, заходя в ближайший к нему дверной проем, который, как оказалось, вел в кухню.

– Не знаю, – безучастно ответила Йенни и проследовала за ним. – Все что угодно.

– А любимое блюдо у тебя есть? Может, я смогу приготовить его сейчас?

– Вообще, я всеядна, – усмехнулась Йенни. – Но за карбонару или болоньезе душу продам.

– Ну, сейчас я могу приготовить карбонару. У нас как раз лежит в холодильнике отличная панчетта. Идет?

Аксель оперся руками о столешницу и особенно выразительно посмотрел на Йенни.

– Ты шутишь, что ли? Я же сказала, что за карбонару душу продам! – Затем она добавила тихо, как будто смутившись: – Правда, ты вовсе не обязан готовить для меня...

– Я знаю. Просто тебе повезло, что я люблю и – самое главное – умею готовить.

Йенни застенчиво глядела то на свои замершие сложенные вместе руки, то на надпись «Парк Юрского периода» на черном худи Акселя.

– Везет же твоей маме, – улыбнулась она. На слове «мама» Аксель поджал губы, из-под слегка нахмуренных бровей метнул в сторону тоскливый взгляд. – Меня практически невозможно заставить готовить. Каждый раз, когда я умудряюсь сотворить что-то... ну, ты знаешь... съедобное, то я заношу это событие в список личных подвигов.

Аксель беззвучно рассмеялся и полез в один из кухонных шкафов за пачкой спагетти.

– Слушай, если я все равно не нужна тебе здесь... Скажи, пожалуйста, где я могу поставить свой компьютер на зарядку?

– Ну, во-первых, ты всегда мне нужна, – с доброй иронией ответил Аксель. – А на зарядку ноутбук можешь поставить у меня в комнате. Вещи свои тоже спокойно можешь там кинуть. Первая дверь слева после гостиной.

– Спасибо. Я скоро вернусь, раз уж я тебе «всегда нужна».

Йенни вышла из кухни, легким шагом ступая по деревянным половицам.

Дверь в спальню Акселя узнать было нетрудно – в глаза сразу бросилась ярко-красная табличка: This room is a disaster area¹². Йенни бесшумно надавила на ручку и вошла в комнату. Она казалась обманчиво просторной из-за белоснежных стен и высокого потолка. Справа от двери находилась двуспальная кровать, застланная белым постельным бельем.

¹² «Эта комната – зона бедствия»(англ.).

На первый взгляд ничего особенного в комнате не было. Но стоило Йенни приглядеться повнимательнее, и она обнаружила кипу изрисованных листов на поверхности письменного стола. В основном Аксель изображал героев комикса, о котором она никогда не слышала. Скорее всего, он придумал его сам.

Поддавшись любопытству, Йенни подошла к столу вплотную и склонила голову, рассматривая рисунки. На ближайшем из них был изображен обнаженный юноша, похожий на одну из тысяч дистрофичных, болезненно изломанных фигур с полотен Шиле¹³, рухнувший на колени, вцепившийся намертво руками в волосы. На его лице белели пустые безумные глаза, чернела резкая полоска напряженного рта. Фон составляла десятки раз продублированная надпись: «Обнуленный смертью герой». На рисунке рядом этот же юноша прижимал ладони к кровоточащим ушам и, лежа ничком на земле, ногами отбивался от кляксоподобных черных силуэтов в жутких ритуальных масках. В выноске была лишь одна фраза: «Верните мне мою тишину».

Это был тот самый момент, когда следовало отвернуться, сделать вид, будто ничего не видел. Но Йенни продолжала вглядываться в лицо на рисунках, в уверенные и стремительные линии его образующие. Она одними губами повторяла: «Обнуленный смертью герой», и чем глубже вонзались

¹³ Эгон Шиле – австрийский живописец и график, один из ярчайших представителей австрийского экспрессионизма. Ученик Густава Климта.

эти слова в сознание, тем страшнее ей становилось глядеть на рисунки.

Но сильнее того страха был обрушившийся на нее стыд. Ей стало совестно за то, что она увидела, за то, что не сумела вовремя отвернуться. Йенни понимала, что Аксель никому не собирался показывать этих работ, и оттого не могла не испытывать чувства вины перед ним.

Подняв наконец взгляд с рисунков, она наткнулась на фотографию в стеклянной рамке. Снимок стоял на самом краю стола, робко спрятавшись за разбросанными повсюду листами бумаги, тетрадями и учебниками. Йенни дрожащими пальцами дотронулась до холодного стекла и провела невидимую линию от верхней грани фото к нижней.

Судя по всему, снимок сделали во время одной из семейных вылазок на пляж. Акселю там было всего тринадцать или четырнадцать. Его влажные волосы кучерявились, песочными волнами спадали на лицо, а насыщенно-красные обветренные губы расплылись в широченной улыбке. На загорелой коже мальчика, точно крохотные драгоценные камушки, сверкали прозрачные капли. Аксель стоял в одних шортах, обняв рукой старшего брата. На лице второго юноши сияла добродушная улыбка, и он шурился от нещадно палящего солнца. За мальчиками стоял их отец, на вид лет пятидесяти, и над чем-то смеялся, глядя прямо в объектив. Его блестящие, радостные глаза были одного цвета с бутфорской синевой неба, виски тронула легкая седина.

В двух шагах от радостной троицы застыла вплоборота девушка. Ее белоснежное платье до щиколоток развевалось на ветру, руками она придерживала соломенную шляпу с широкими полями, что скрывала глаза. Тонкие губы Флер, сестры Акселя, были изогнуты в легкой улыбке.

От фото веяло соленым запахом моря, свежестью бриза и безграничным, ускользящим счастьем. Йенни с минуту не могла от него оторваться. Ее брови жалостливо сошлись на переносице, в глазах заблестели слезы.

Пересилив себя, Йенни наконец отвела взор в сторону и сделала маленький шаг назад. На стене справа она увидела плакаты Pink Floyd и Metallica. А под ними пристроилось огромное кресло-мешок синего цвета, на котором лежала раскрытая книга, перевернутая обложкой вверх. «Невыносимая легкость бытия», – проговорила Йенни про себя. В углу комнаты она заметила черную акустическую гитару, гордо красовавшуюся на отполированной металлической стойке.

Нужная ей розетка обнаружилась возле кресла. Быстро поставив на зарядку ноутбук, Йенни вышла из комнаты, предварительно обведя ее печальным задумчивым взглядом.

Аппетитный запах жареного бекона уже витал по всему дому.

– М-м-м... какой аромат, – прокомментировала Йенни, появившись в дверях кухни.

Аксель посмотрел на нее и улыбнулся.

– Все для тебя. Если хочешь есть, перекуси печеньем. Да-

же не прошу не наедаться перед ужином, потому что в случае с этим печеньем это невозможно.

– Я лучше потом. У нас же тут карбонара намечается! Тебе помочь чем-нибудь?

– Нет, я почти закончил. Слушай, тебе больше нравится классический вариант или вариант со сливками? – спросил Аксель, натирая пармезан в голубую чашку.

Йенни встала рядом, оперлась руками о столешницу. Она молча наблюдала за уверенными движениями Акселя. Он выглядел таким серьезным и сосредоточенным, что Йенни не смогла сдержать улыбки. Боковым зрением Аксель заметил это, и уголки его губ тоже приподнялись.

– Я больше люблю со сливками. Правда, не дай бог это услышит хоть кто-то из моих знакомых-итальянцев. – Йенни задумчиво покрутила в руках упаковку двадцатипроцентных сливок. Вскоре Аксель забрал ее для готовки. – Мне кажется, по степени тяжести этот грех идет сразу после пиццы с ананасами.

– Нет, ну пицца с ананасами – самое настоящее извращение! Даже для меня!

– Наверное, я с тобой соглашусь. Хотя, знаешь, Луи вот любит пиццу с ананасами. Он даже пытался убедить меня, будто это вовсе не так уж и по-извращенски.

– Мне кажется, людям, которые любят пиццу с ананасами, нужно запретить въезд в Италию. Или как минимум запретить им рассказывать о своих пристрастиях местным, –

рассмеялся Аксель. Он несколько раз стукнул теркой о края чаши, очищая ее от остатков сыра, и начал взбивать яйца с пармезаном.

– Слушай, я хотела спросить... тебе не стыдно во всем быть таким талантливым? Я там видела... У тебя стол завален рисунками, и рисуешь ты очень круто! Только ты не подумай, что я специально в твоих вещах рылась. Просто не заметить ту гору рисунков было нереально.

– Да ничего особенного. Это так, баловство. Рисую, когда есть настроение.

Еще минут десять Аксель колдовал над ужином. Он перевел тему на проект, стал рассказывать о своих идеях насчет исследовательской работы для доклада. Йенни стояла рядом, привалившись бедром к столешнице. Она обнимала себя за плечи и внимательно слушала Акселя, глядя в пол.

Когда с готовкой было кончено, Йенни уговорила Акселя, чтобы он позволил ей разложить спагетти по тарелкам.

– Только не падай в обморок. Это итальянские порции, а не моя прихоть, – оправдывалась Йенни, неся блюда с еще дымящейся пастой к обеденному столу.

– Ну да, раз уж мы решили есть пасту, то не имеем права отступить от итальянских традиций, – с нескрываемой иронией произнес Аксель. – Я-то вполне осилю такую порцию. А вот насчет тебя я чего-то сомневаюсь.

– Это был вызов, Экланд, м? – Йенни угрожающе понизила голос, но Аксель на это лишь усмехнулся. – Не пережи-

вай, за месяц в Италии я научилась съесть такие порции, что эта – нефиг делать. – Йенни озорно улыбнулась и села за стол. – Ты идешь?

– Да, только у меня появилась идея... Раз уж мы решили устроить настоящий итальянский ужин, может, выпьем хорошего итальянского вина? В мини-баре есть одно, и оно просто идеально подходит к пасте. «Таурази» две тысячи девятого. Понимаешь, насколько это будет круто?

– Аксель, я не пью. Совсем.

– Это же не дрянное пойло, которым давятся на вечеринках. Это почти что произведение искусства, поэтому ты должна его попробовать. Я просто не выпущу тебя отсюда, пока ты не попробуешь!

– Я на самом деле не фанатка алкоголя, – пожала плечами Йенни.

– Пожа-а-алуйста. Один глоточек. Можешь просто отпить из моего бокала.

– Ладно, один глоток как-нибудь переживу.

Аксель улыбнулся.

– Вот и славно.

– Боже, не успела я даже полчаса побыть у тебя дома, как ты меня уже спаиваешь! – крикнула Йенни Акселю вслед, когда он отправился к мини-бару. Из коридора послышался смех.

Вскоре он вернулся, захватив по пути бокал, и наконец-то уселся за стол.

Накрутив спагетти на вилку, Йенни сказала:

– Buon appetito!

– Grazie, altrettanto! Надеюсь, тебе понравится.

Йенни приступила к ужину. Аксель же внимательно следил за ее реакцией, не притрагиваясь пока к своей порции. Прищурившись, он наклонился немного вперед, сосредоточенный на эмоциях, что мелькали на лице гостыи.

– Боже, Аксель, это восхитительно! – прожевав спагетти, воскликнула Йенни. Она глядела на Акселя своими большими блестящими глазами и улыбалась. – Это так вкусно! Я просто... Я ела такую пасту в последний раз в Милане. Это была самая потрясающая пиццерия в городе. Понимаешь, насколько ты крут?

– Если будешь так нахваливать мою стряпню, то я даже соглашусь готовить ланч тебе в школу, – проговорил Аксель со свойственной ему насмешкой в голосе и сделал крохотный глоток вина.

– Серьезно, будешь готовить мне ланч?!

– Нет, конечно. Я слишком ленив для этого. Но большое спасибо за похвалу. Мне очень приятно, – ответил Аксель. Между его пальцами вертелась из стороны в сторону тонкая ножка бокала. – Итак, ты готова отведать это превосходное вино?

– Можно подумать, ты оставляешь мне выбор.

Йенни взяла из рук Акселя бокал – по-детски осторожно, двумя руками, – неуверенно поднесла его к губам и, глубоко-

ко вздохнув, сделала небольшой глоток. Она поморщилась, словно выпила разом стакан лимонного сока.

– Тебе не понравилось? – удивился Аксель.

– Оно кислое. Я почему-то всегда думала, что вино должно быть очень сладким.

– Ну тогда тебе нужно присмотреться к десертным винам. Хотя не все они прям очень сладкие.

– Ну... В целом мне скорее понравилось, чем нет, – заключила Йенни и снова принялась накручивать спагетти на вилку.

– Черт, я не могу поверить, что ты реально ни разу в жизни не пила вино! Меня предки – папа в особенности – лет в пятнадцать стали приучать к алкоголю. Боялись, наверное, как бы я впервые не напился вусмерть на вечеринке, а попробовал все дома.

Йенни улыбнулась, пожимая плечами.

– Мои, наверное, поубивали бы друг друга еще на стадии покупки вина. Их счастье, что я самый скучный во всей Скандинавии подросток, который дышит неровно к шоколаду и мармеладным мишкам, а не к абсенту и водке.

Остаток ужина Аксель расспрашивал Йенни о том, где она была в Италии, что видела, что больше всего запомнилось. Она радостно делилась воспоминаниями о прошлогоднем путешествии и в красках описывала необыкновенной красоты места, где ей посчастливилось побывать, рассказывала об удивительных людях, с которыми познакомилась. Йенни

очень хотелось, чтобы Аксель мог представить себе каждый храм, каждую скульптуру, каждый крошечный нежный ви-ноградник.

Он внимательно наблюдал за одноклассницей, слушал ее, не перебивая. Его восхищало то, с какой простотой и искренностью Йенни признавалась в любви Флоренции и Риму, Понте Веккьо¹⁴ и Сан-Бартоломео-алль-Изола¹⁵. Ее голос то жизнерадостно журчал, то стихал, превращался в полусшепот. И шептала она ему о пьете¹⁶ – о том, как стояла перед ней почти час, о том, как по щекам катились слезы, как одновременно пусто и радостно было у нее на душе. Аксель жадно ловил каждую интонацию, словно боялся того, что Йенни сейчас замолчит и никогда больше не скажет ему ни слова. Оттого, вероятно, к завершению ужина их лица находились так близко, что Йенни могла просто поднять руку и прикоснуться своими длинными холодными пальцами к бронзовой скуле Акселя.

¹⁴ Понте-Веккьо – мост во Флоренции, расположенный в самом узком месте реки Арно, почти напротив галереи Уффици.

¹⁵ Сан-Бартоломео-алль-Изола – титулярная базилика на острове Тиберина, в Риме. В храме хранятся частицы мощей святого Варфоломея, одного из двенадцати апостолов Христа, привезенные из Беневенто.

¹⁶ «Оплакивание Христа» – первая и наиболее выдающаяся пьета, созданная Микеланджело Буонарроти. Копии «Пьеты» можно видеть во многих католических храмах по всему миру, от Мексики до Кореи.

После ужина ребята перебрались к Акселю в комнату.

– Если честно, я раньше не знала, что ты играешь на гитаре и так потрясно рисуешь, – призналась Йенни, усаживаясь на край письменного стола.

– Это просто типа хобби, ничего серьезного. Я не особо уж и хорош в рисовании.

– Ничего подобного! Ты очень здорово рисуешь. За сколько ты все это нарисовал?

Йенни опустила взгляд на один из рисунков. С желтоватого листа пустыми глазницами на нее смотрел плачущий ребенок с заштопанным ртом. Она тут же поспешила отвернуться.

– Эм-м, где-то за неделю. У меня был просто какой-то приступ. Думаю, люди называют это вдохновением. Я рисовал вечера и ночи напролет, как умалишенный.

– Хм-м, ясно. – Она нахмурилась. – А можно мне поближе посмотреть?

– Там нет ничего интересного. Просто бессмысленные рисунки, наброски... Не думаю, что стоит тратить время на это. Как-нибудь потом, окей?

Аксель суетливо собрал разбросанные по столу рисунки и переложил их на кровать. Как Йенни и предполагала, эти работы не предназначались для человеческих глаз. В своих

рисунках Аксель изображал то, чем не мог и, наверное, не хотел делиться с людьми, боясь оказаться заклеянным тем самым смазливym, извечно скорбящим мальчишкой-с-трагичной-историей.

– Ладно... Как скажешь, – ответила Йенни. – Тогда сыграешь что-нибудь? Пожа-а-алуйста.

– Тебе на самом деле интересно слушать, как я играю?

Аксель встал напротив и склонил голову набок, подозрительно прищурившись. Сквозь ткань джинсов Йенни чувствовала, как его пальцы касаются ее колена.

– Да, интересно. Так ты сыграешь? Ну, пожалуйста!

Йенни подалась вперед, ее умоляющий взгляд был прикован к Акселю. Теперь между их лицами осталось всего несколько сантиметров. Глядя в эти светлые, лучистые глаза, Аксель не мог отказать их обладательнице.

– Ладно, уговорила, – вздохнул он. – Что тебе сыграть?

Аксель смотрел на нее с особенным любопытством, ожидая ответа. Он совсем не знал Йенни: даже не мог предположить, какую музыку она слушает. И чем дольше он безмолвно бродил взглядом по ее лицу, довольствуясь едва ощутимым ароматом теплого весеннего парфюма, тем более далекой, незнакомой она ему казалась.

Йенни чувствовала себя неловко из-за такой непривычной близости Акселя. Ей было в новинку ощущать тепло его ладоней, слышать размеренный стук его сердца, видеть, как заинтересованно он смотрит на нее. Они обменивались

обычно беглыми объятиями при встрече и больше вообще друг друга не касались, держась на расстоянии вытянутой руки. И ее это устраивало. Наверное.

– Эм-м... Я даже не знаю. – Йенни уперлась ладонями Акселя в грудь, отодвигая его в сторону, чтобы спрыгнуть со стола. – Сыграй, что хочешь. Судя по плакатам на стене, у тебя отличный музыкальный вкус.

– Спасибо, конечно, но выбирай сама.

Он уселся в кресло-мешок, взял в руки гитару. Пока Йенни выбирала песню, Аксель настраивал инструмент. Он выглядел удивительно спокойным, безмятежным.

– Я, кажется, знаю! – воскликнула Йенни. – Что насчет «Fix you»?

– Я хорошо отношусь к Coldplay, но в этой песне всего пять аккордов от силы. Там играть нечего.

– Ну и что? Ее акустическая версия звучит очень красиво.

– Ладно, как хочешь. Только я сначала ее вспомню, хорошо?

Йенни кивнула и опустилась на кресло рядом с Акселем, отложив в сторону книгу. Их колени соприкоснулись. Она слегка смутилась и опустила голову.

Загорелые пальцы Акселя ловко перебирали струны гитары, и Йенни не могла заставить себя оторвать взгляд от его рук. Каждый раз, когда он заменял тот или иной аккорд на другой, она все яснее узнавала в этой мелодии одну из своих любимых песен.

– Все, я готов. Давай так: я играю, ты поешь? Эти ноты я в жизни не возьму.

– Нет, мы так не договаривались. Я просто хочу послушать, как ты играешь.

– Не-а, так неинтересно. Тем более ты выбрала песню, где самое важное – слова. Так что не ломайся.

– Но я не умею петь, – возразила Йенни. – Ты хочешь оглохнуть?

– Ты умеешь петь, иначе тебя бы не взяли в хор в средней школе. Я прекрасно помню, что ты пела в хоре.

– И все-то ты помнишь! – Йенни фыркнула и сложила руки на груди. – Ладно. Но если у тебя из ушей польется кровь, сам виноват.

Аксель закатил глаза и вздохнул. Прежде чем начать играть, он установил каподастр на третий лад.

– Готова?

– Ага, – выдавила Йенни, нервно прочистив горло и вытерев вспотевшие ладони о джинсы.

Аксель кивнул и взял до мажор. После небольшого вступления Йенни начала петь.

Сначала ее голос дрожал из-за легкого волнения, хрупкий и непривычно тихий. Но чем глубже Йенни погружалась в музыку, тем легче ей становилось петь. А погружалась она в нее как в грезу – сначала неспешно, а потом резко, по самую макушку. И весь мир растворялся в теплых звуках гитары, в простой, но цепляющей мелодии, что лилась из-под пальцев

Акселя.

Lights will guide you home
And ignite your bones
I will try to fix you¹⁷

На сокровенном fix you ее голос зазвенел, надломился. Дрогнул так, словно она сейчас заплачет. И усталость, и боль, и отчаяние, о которых говорилось в песне, вдруг отразились в ней – ожили в уголках ее слезящихся глаз, в ее дрожащих губах и ладонях.

Такое исполнение не могло не тронуть Акселя, которому казалось теперь, что голос Йенни, словно скальпель, легко и непринужденно вспарывал ему грудь. Он чувствовал: каждое слово она пропускала через себя, как будто песня была о ней. О нем. О них.

Йенни пару мгновений смотрела на свои руки, не решаясь поднять голову и взглянуть на Акселя. Но когда это произошло, его тяжелый, отрешенный взгляд заставил ее содрогнуться.

Дальше Йенни продолжать не стала. Аксель взял еще несколько аккордов проигрыша, и гитара тоже смолкла.

– Теперь я понимаю, почему меня не взяли в хор, – сказал он, пытаясь натянуть беззаботную улыбку и разрядить обста-

¹⁷ «Огни приведут тебя домой и зажгут тебя изнутри. Я постараюсь вылечить тебя»(англ.).

новку. Но веселая маска теперь не клеилась к его растерянному лицу. Йенни заметила это. Она заерзала от неловкости, появившейся между ней и Акселем.

В комнате воцарилась тягучая тишина.

– Йенни, можно задать тебе... личный вопрос? Если не хочешь отвечать, то так и скажи. Я не имею права докапываться.

Йенни утвердительно кивнула. Тень улыбки тронула ее губы.

– Эта песня как-то связана с тобой? Я имею в виду... слова имеют отношение к твоей жизни? Просто ты так пела, что я подумал, будто...

Аксель свел брови к переносице и слегка наклонил голову влево. Сейчас его глаза приобрели необычный аквамаринный оттенок.

– Да, ты прав, но отчасти. Эта песня, по-моему, тем и уникальна, что она о каждом из нас. – Йенни сделала глубокий вдох. – И о тебе, и обо мне, и о каком-нибудь игроке в подводный хоккей, который живет вообще на другом континенте. И о том, как важно всем нам иметь рядом человека, который не позволит сломаться под грузом проблем. И, как мне кажется, самим быть для кого-то таким вот «спасательным кругом». Она отзывается у всех, правда?

– И ты бы хотела быть таким вот спасителем для кого-то? Не боишься, что проблемы другого человека сломят не только его, но и тебя? Что на дно уже пойдете вместе?

– Ну, мы с Луи и так вытаскиваем друг друга из всевозможных сложностей, поэтому нет, я не боюсь. Он знает: я буду рядом, что бы ни случилось, и вместе мы решим любые проблемы.

Аксель слабо улыбнулся, но во взгляде его проскользнула то ли грусть, то ли мрачная усмешка, то ли это сверкнули и тут же скрылись воспоминания о пережитом горе.

– Еще бы можно было решить все проблемы вот... так. Некоторые вещи никогда уже не изменить, и это так хреново. Нет пострадавших, некого спасать. Но я искренне надеюсь, что ты никогда с этим не столкнешься. – Он поднял глаза на Йенни. – Бессилие – ужасная вещь.

Йенни потупила взгляд, сжала подол рубашки. Она знала, что Аксель говорил о своей семье. Ей было стыдно теперь за свои слова, за то, как наивно и глупо они прозвучали.

Рывком поднявшись с кресла, Аксель подошел к окну и открыл его настежь. Поток холодного воздуха закружился по комнате.

– Ты не против, если я покурю? – спросил он, выудив из кармана джинсов пачку сигарет Camel и пластиковую зажигалку.

– Нет, конечно. Это же твоя комната... А давно ты куришь?

– Еще с прошлого года. А что?

– Ничего. Просто раньше не замечала этого за тобой.

Аксель пожал плечами и закурил. Он смотрел вдаль, в

расцветающий синим вечер, зажав сигарету между средним и указательным пальцем. Аксель затягивался редко, но глубоко. Сизый дым полупрозрачной пеленой окутывал его. Какое-то время Йенни молча смотрела на то, с какой грацией, с какой непоколебимостью он отравлял себя. Она не смела шелохнуться. Когда Аксель почти докурил, Йенни подняла с пола наполовину зарядившийся ноутбук и принялась искать материал для проекта. Потушив окурок о подоконник, Аксель выбросил его на улицу и закрыл окно. Затем сел на прежнее место.

Ребята принялись как ни в чем не бывало обсуждать проект, словно и не было между ними того неловкого разговора. Однако их беспечная дискуссия продлилась недолго – тяжелые неустойчивые шаги раздались в коридоре и послышался низкий женский голос:

– Аксель, ты дома? Аксель, где ты? Мне нужна твоя помощь! Да где же ты, черт возьми?! – Женщина говорила очень громко, агрессивно, при этом характерным для пьяных людей образом проглатывая окончания слов.

Лицо Акселя посуровело. Он вздохнул, вышел торопливо из комнаты.

– Я скоро вернусь, – предупредил Аксель, прежде чем плотно закрыть дверь.

Йенни замерла на месте. Неприятный холодок прошелся по спине.

– Какие люди! Ну неужели соизволил явиться? Где ты от-

сживаешься, когда мне так плохо? – донесся до Йенни голос Кристин, матери Акселя. – Моему сынуле плевать, где я и в каком состоянии. Сколько раз я должна была еще тебе звонить?

– Мам, ты же должна была вернуться в пятницу... Я не слышал... я думал, ты...

– А что? Не рад меня видеть?! Еще бы! – выплонула ему в лицо Кристин. Голос ее набирал силу с каждым последующим словом. – Зачем тебе мать, верно? Ты же только рад будешь, если я тоже схохну, да?

– Мама, не кричи, пожалуйста, у нас гости.

– Ах, гости! Какая-то девка из школы тебе важнее меня, да? Важнее того, что я хочу умереть... Того, что мне так плохо сейчас! Чем я заслужила все это? Чем?!

Йенни вжалась в кресло и вздохнула.

– Мам, хватит уже. Пожалуйста. Сколько можно? Сколько еще это будет продолжаться? Ты только и делаешь, что пьешь, пьешь и пьешь. А потом спишь с какими-то уродами. Ты не видишь, да? Ты разрушаешь нашу семью. Ты губишь себя. Посмотри в зеркало!

– Не указывай, что мне делать... От нашей семьи и так *ничего* не осталось! Ни-че-го, слышишь? Пора взрослеть.

– Ты просто пьяна. Ты не понимаешь, что несешь, – словно защищаясь от нападок матери, проговорил Аксель. – Ты бы видела себя сейчас... Что бы сказали папа с Робби?

– Ты не имеешь права говорить мне это! Не имеешь! –

взревела Кристин. – Ублюдок! Тебе просто плевать на меня. Плевать на мою боль! Плевать, плевать! Зачем я только рожала тебя в таких муках?

– Да что ты? А о том, что мне нужна нормальная мать, ты не думала? О том, что я устал переживать за тебя все время, не задумывалась?! – Аксель теперь тоже перешел на крик. В его голосе слышалось столько разочарования, столько боли. И в то же время – бледная тень надежды на то, что мать наконец его услышит. – Нет! Потому что это тебе плевать! Тебе на все и на всех плевать, кроме себя! Ты могла бы хоть сегодня прийти в подобающем виде домой. Хотя бы один чертов...

Громогласный поток слов прервала оглушительно-звонкая пощечина. Желудок Йенни болезненно сжался. Слезы замыливали взор, но она старалась сдерживать их, часто моргая и жмурясь.

– Хватит учить меня жизни. Я без тебя знаю, что мне делать надо, а что нет. Лучше бы ты умничал той ночью, когда ты... когда он... Твой брат бы так жестоко не стал обращаться со мной. Никогда. – На последних словах ее голос стал совсем тихим, безжизненным. Его поглотили слезы. – Робби любил меня... Мой мальчик. Если бы он только был рядом.

– Мам, прости... Я...

– Замолчи, Аксель. Оставь меня. Ты уже все сказал.

В следующее мгновение Йенни услышала неуверенные шаги Кристин, а затем и красноречивый хлопок дверью. Ее

не покидало то необъяснимое чувство страха, вины и болезненного беспокойства, какое возникает, когда люди ссорятся в твоём присутствии. Йенни казалось, что для неё не существовало чувства более ненавистного и близкого.

Чуть позже в комнату вошел Аксель – всего побледневшего, его трясло от ярости и обиды. Он ненамеренно пересекся взглядом с Йенни, и в ту самую секунду ее поразила мысль о том, что более пугающих и одновременно несчастных глаз она никогда не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.